

ное время и даже в первое десятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции.

Перед теми советскими историками литературы XVIII века, которые выступили со своими исследованиями об этом периоде в конце 20-х—начале 30-х годов нашего времени, стояла поэтому двойная задача: во-первых, доказать, что классицизм — французский, русский, любой — есть художественно-эстетическая система, а не механическая совокупность признаков, приемов или «элементов», как говорил П. Н. Сакулин, а также, что, как всякая художественная система, он покоится на определенной философии; во-вторых, показать, что русский классицизм отнюдь не был «большим несчастьем» русской литературы, не был эпохой ученичества, подражательности, утраты национальной самобытности.

Работы Г. А. Гуковского, Д. Д. Благого, В. А. Десницкого и др., вышедшие с конца 20-х—начала 30-х годов, постепенно устранили старую трактовку классицизма как «ложноклассицизма», установили новое понимание термина «классицизм» и истолкование деятельности тех писателей XVIII века, которых стали почему-то называть «классицистами», вместо привычного и более правильного «классики».⁷

И на первых же порах обнаружилось, что обойтись суммарным старым обозначением «классицизм» для литературных явлений целого столетия невозможно, что необходимы какие-то уточнения, более дробные определения. Так, Д. Д. Благой в статье «Классицизм в России» отмечает «стилевую пестроту русского классицизма, сосуществование в пределах одного стиля элементов различных во времени европейских стилиевых культур — ренессанса, барокко, рококо».⁸

Схема развития русского классицизма представлена в статье Д. Д. Благого в таком виде: «Впервые классический стиль проявляется на русской почве в сатирах Кантемира (30-е гг. XVIII в.), оформляется в теории и практике Тредьяковского и Ломоносова (30-е и 40-е гг.), достигает полного развития в разнообразнейшей литературной деятельности Сумарокова и его школы (50-е и 80-е гг.), догорая в конце века пышными закатными огнями державинского творчества. В творчестве Хераскова (помимо «Россиады»), в драматургии Озерова стиль теряет свою первоначальную „ортодоксальность“ и чистоту...».⁹

Эту схему, с небольшими изменениями, развивал Д. Д. Благой в своих последующих обобщающих работах по истории русской литературы XVIII века.

⁷ Ср. «скептицизм» — «скептик», а не «скептицист»; «критицизм» — «критик», а не «критицист».

⁸ Литературная энциклопедия Т. V, М., 1931, столб. 284—285

⁹ Там же, столб. 286.